

СОЦИАЛЬНЫЙ ИНСТИНКТ: ИСПОВЕДЬ „УШЕЛЬЦА“

Возле дачного домика, где я провожу большую часть лета, бродит кот: совершенно чёрный, упитанный, морда круглая и выразительная, но такой недотрога! Бывало, сиюж на бордюре возле входа или тихонько бреду к дверям, и он тут как тут – трётся мордой о края камней или скамейки, а потом уляжется на спину и давай ворочаться и мурчать. Да, именно мурчать, не урчать, не мяукать, а нечто среднее – редко встречающееся у котов, но очень осмысленное. Но только я руку к нему протяну – он отшатнётся.

Сегодня он охоту устроил... Сидела на ветке куста птичка, чуть в глубине, я её и не видел. Куст невысокий, листья светло-зелёные, а по краям белым окаймлены. Ветки обильно покрыты лохматыми кисточками, видимо, с семечками, а лохмотья как очень маленькие одуванчики.

Кот, значит, подкрался к кусту и – прыг на него. Куст зашумел, затрясся, облако пушинок вокруг него поднялось. Через мгновение всё затихло, а из-под куста, брезгливо пятаясь, со слегка вздыбленным и напружиненным хвостом, выполз значительно округлившийся пушистый охотник.

Птичка преспокойненько упорхнула, а кот сидел возле куста и минут пять с недобрым видом отряхивался от светло-серых пушинок: тряся мордой, водил хвостом, облизывался и отплевывался. Одновременно он встряхивал головой и издавал фырчаще-чихающие звуки, рот его при этом приоткрывался, высовывался язык, и в разные стороны разлетались брызги.

Я так и застыл с чашкой кофе в руке, уставившись на морду кота: сколько досады, сожаления и упрёка кусту отразилось на ней! Потом он с достоинством оглянулся вокруг, поискал взглядом невольных зрителей своей неловкости. Никого не заметив, кот немного успокоился и сконфуженной походкой побрёл восвояси.

Поднялся и я.

◆◆◆◆◆
С моим соседом по лестничной площадке, Андрюшкой, мы до сих пор встречаемся. Мало того, дома, в котельных мы теперь живём, стоят напротив, даже этаж один

и тот же – девятый, а в детстве двери квартир смотрели глазками друг на друга. Из моего окна был виден двор с качелями и песочницей, а у него вид открывался на эту сторону, на дорогу. Вон они: рамы заменены на пластиковые, модные занавески на них, но мир за ними – совершенно другой...

Иногда мы с Андрюшкой прижимались лбами к стеклу и, как настоящие охотники, выжидали, когда подъедет хлебовозка. На первом этаже лежало напротив был магазин, и дверь, куда принимали товар, тоже выходила на нашу сторону.

Как только фургон с надписью «хлеб» сворачивал с дороги к магазину, мы, прыгая через две ступеньки, сбегали с шестого этажа и неслись мимо пивнушки к грузчику.

Но это было позднее, уже потом, после того, как вокруг хлебозавода вырос второй забор, а в пространство между заграждениями выпустили собак. Неужели от нас – мальчишек? Собаки были незлые, даже не гавкали, но к цеху было не пробраться.

Хлебозавод стоял далеко от дома, но нестерпимо манил запахом свежей выпечки. Подобраться к ней мы могли только в субботу вечером. На заводе в это время пустынно, и нас с другом домашние от задания выжиливать не заставляли. Ждали мы этого часа с нетерпением, несмотря на то, что улов предсказать было невозможно – как повезёт.

Дорога к хлебозаводу тянулась невыносимо долго. А вот и оно, это место. Ни забора, ни завода. Теперь здесь офисы и магазины...

Мы с другом, обхватив стальные прутья забора своими ручонками и прижавшись к высокому железному забору, стоим и смотрим... Стояли и смотрели. Ждали и надеялись, что грузчик откликнется на возглас Андрюшки: «Дяденька, дай хлебушка, пожалуйста!» – осмотрится вокруг и кивнет нам, если никого лишнего поблизости нет. Тогда я протисну своё тощее тельце сквозь массивные прутья забора и подбегу к нему, и он мне сунет в руки батон белого, тёплого, ароматного хлеба. Обхватив его пальчиками, прижав к груди и глотая

слюнку, вернусь я, безумный от счастья, к другу, и мы, весело отрывая и запихивая в рот огромные шматки булки, двинемся в обратный путь...

Что было дальше? Время быстро пронеслось, как в репортаже о полёте на марс на мибийских космонавтов...

Много лишних людей появилось. Урезали пособия, заморозили пенсионный фонд, обещая: к такому-то году – всё будет хорошо. Через десять лет: ни фонда, ни пенсий. Тогда и появился лозунг: «Впиши своё имя в историю страны!». Государству ничего не оставалось, как на волне патриотизма извлекаться от тех, кто не мог казну пополнять, питать её.

Был принят закон «О праве на жизнь», дающий право распоряжаться своей жизнью по своему усмотрению, а по сути – разрешающий добровольную смерть. В дополнение к этому снизили пенсионный возраст, причём условно, и стали назначать по состоянию здоровья.

Данные эти, о здоровье, собираются теперь и обрабатываются в автоматическом режиме, через тот самый живилённый чип. Эта электронная вставка оказалась даже не так безобидна, и, кроме «паспортных», биометрических данных, может программироваться на расстоянии, записывать мысли и даже парализовать человека при необходимости.

Когда показатели здоровья становятся ниже нормы, то человеку выслают предупреждение. Повторным письмом, если поправить здоровье или откупиться не удаётся, переводят на пенсию. Дальше нужно решать: войти в историю или завянуть как овощ.

Газеты, телевидение уверяли, что общество достигло небывалых высот, свобода стала безграничной. Мне представилась треска на крючке, поющая о безграничной свободе, на хвосте у которой – огромный кальмар. Вот тебе и вся свобода – в выборе: быть зажаренным на углях или сгнуться в пасти кальмара.

Как это назвать? Что мне даст название, если я прожил в том же строю, в массе вполне довольных возможностью купить йогурт фирмы «А» или «Б» людей.

«Оставь всё это, – говорю себе, – ты уже принял своё последнее решение, заканчивай дело и ставь точку, не хваляй себя ещё сорваться напоследок».

В том же день меняют постельное бельё и верхнюю одежду. Из одежды выдают рубашки, штаны и халаты, как это было сто лет назад в больницах и санаториях, но размеров только два, унисекс: «м» и «б».

Всех, перед тем как поселить в лагерь, стригут наголо и стерилизуют, лишая возможности размножаться. Считается, что после наступления пенсионного возраста, у человека дети рождаются больные, с отклонением.

Представление о том лагере я имею очень слабое, вообще, со слов тех, кто посещал своих друзей или близких и, конечно, от журналистов. Они сгущают краски, так как государству выгоднее другой вариант «доживания».

Его подчёркнуто превозносят. По телевизору каждый день показывают довольные, гордые своим выбором лица и крутят шоу «Память о тебе». В нём показывают эпизоды из воспоминаний «ушельцев» и разыгрывают призы, главный – надгробный крест из специального стекла ручной работы.

Ушельцами называют тех, кто решил поселиться в пансионате «Песня Линды». Поливает спальни воюющей ед-

кой смесью, потом собирает пылесосом осевшую пылью пену и опрыскивает дезодорантом. Несколько дней после их отъезда висит стойкий запах дихлофоса.

Пансионат – красивое современное здание, с просторным парком и шикарным бассейном, на высоком берегу возле моря. Крики чаек, шум прибоя, громадины военных кораблей на рейде...

Людям в «Песне Линды» долго не задерживаются. По закону ушельцам отводится год, чтобы записать воспоминания, отдохнуть перед дорогой и уйти – отправиться, как говорят, в последний путь. Если передумал или не решил, то отправляют в лагерь, на «овощехранилище», как брезгливо называют это место в пансионате.

Мало кто замечает противоречие: жених Линды разбился не по своему желанию, а по воле стихии... Всё это представление: легенду где-то откопали, закон приняли, активистов набрали, патристическую волну подняли и... к выбору подвели. Осталось только об скалу шибануться, м-да... а сделать это я должен – сам...

Сегодня закончил запись и отправил её в архив. Предварительно сам подчистил все размышления и эмоции, иначе этим займётся в службе ответа, а они не церемонятся, могут вообще забло-

кировать доступ к моим воспоминаниям, без объяснений. На словах – они лишь проверяют, чтобы не было призывов к агрессии и откровенного разврата, но на деле – следят за политкорректностью содержания.

Слово «цензура» запретили много лет назад, поскольку оно несло идеологический оттенок и дух тоталитаризма. Теперь можно только говорить о соответствии закону и этическим нормам.

Нормы – это что-то, о чём кон-

кретно нигде не написано, но все понимают, особенно в «Службе соответствия». Действительно, так оно и есть, у них нет специальных тестов или критериев проверки. Кодекс в «службе» не зубрят и присягу не принимают, но человек с иным мировоззрением туда просто не пройдёт, в коллектив не впишется. Как бы там ни было, но спросить за чистку воспоминаний с них некому, так как в свободный доступ воспоминания ушельца попадают только после его ухода.

На проверку отведён месяц, а если затягивается, тогда пишут, что файл повреждён и требует реставрации. Что они там делают, уж и не знаю, но через год файл появляется в сети, и всё в нём до тошноты правильно, как в сообщениях пресс-службы правительства.

Частично, воспоминания можно отправить на конкурс ещё при жизни. Так я и сделал с эпизодом охоты кота, и получил приз зрительских симпатий. На главный приз, естественно, не рассчитывал.

Первые места традиционно не доставались воспоминаниям о борьбе за свободу и независимость, о торжественных церемониях в честь чего-нибудь государственно важного.

О том, например, как выходит гражданин утром из дома: дышится легко, птички поют звонче, солнце светит ярче, на небе ни облачка, под

каждым кустом свобода, все кругом улыбаются тебе и приветственно руками машут – не идёт гражданин, а парит. Начальник на работе цветы дарит, сослуживцы сами мусор выносят и пыль протирают, пылесос сосёт веселее, а тряпка моет чище. В чём дело? И тут он понимает: ведь это памятник тоталитарного прошлого снесли!

Особенно ценились воспоминания о том, как после выступления какого-нибудь религиозного активиста, когда только всё началось, люди преобразались и добровольно, с энтузиазмом выбирали пансионат.

Лично меня патристические или религиозные мотивы не трогали, просто не хотелось тануть время и претило попасть в лагерь. Потом люкбопытно стало – а что вспомню?

Пройдя от берега через парк, я свернул к жилому комплексу и поднялся к себе. Немного пожалел, что пошёл пешком. В преклонном возрасте, без сытного (вот бы сейчас сосиски на первое, картошки с мясом на второе и компот из алычи с яблоками) и вкусного обеда подъём на шестой этаж по лестнице дался с трудом.

В пансионате трёхразовое питание – таблетки, правда – сбалансированный набор, но зато индивидуально подобраный...

Мне больше не хотелось ждать, поэтому, устроившись в мягком, удобном, обтянутом замшей кресле, я запустил программу «Путь Линды».

Программа через центральный компьютер сверила мои данные, протестировала меня на вменяемость, получила подтверждение на запуск и доступ к перезагрузке чипа, что вживили в меня много лет назад.

Электронная вставка, как объясняли, запрограммирована подавать сигналы, которые сперва притупят, а потом нейтрализуют способность нейронов удерживать электрический потенциал. Нейроны, как писали об этом, соединены в электрическую цепь, и по ней части моего тела общаются с мозгом, обмениваясь информацией и получая команды. Волны в этой цепи постепенно будут затухать, и я медленно погружусь в вечный сон.

Смерть обещала быть очень мягкой, без тревог и волнений, без боли и страданий. Воли требовал и мучительным был только запуск программы, но закон «О праве на жизнь» гласил, что шаг этот должен быть абсолютно осознанным. Программа завершила свою работу, пожелала мне «счастливого пути!» и предложила выбрать фильм для просмотра или музыку послушать. Я решил включить тот самый эпизод, что на шоу приносил мне приз зрительских симпатий.

Дизайнеры из «Службы реставрации» славно потрудились с ним: по моим смутным ощущениям восстановили и дорисовали, как кот начинает охоту. Вот он бродит возле дома и замечает птичку на дереве. Собрался, крадётся на полусогнутых, мягко переступая, лапах. Чем ближе к кусту, тем движения его более осторожны, плавно, кажется, что дыхание замерло, взгляд застыл. Вот он подобрался, намружился, миг, будто моргнул, и кот уже брезгливо пятится – выползает из-под куста...

Я так увлечён, что перестал чувствовать тело, дыхание, в один момент показалось, что все записанные мной воспоминания ожили одновременно, и я могу переместиться в любой из эпизодов.

Вот я еду в машине. Не заехал на заправку, а свернул к дому, где провёл детство, проехал мимо пивнушки и остановился возле подъезда. Вышел из машины, захлопнул дверь и тут увидел, как к дверям магазина подъехала хлебовозка. Инстинктивно побежал к ней.

Взрослый мужчина в тёмно-синем халате вышел из чистенького, но пошарпанного ГАЗ-52, открыл боковую створку фургона и стал выгружать хлеб. Подбежал, я остановился и с удивлением узнал отца своего старого знакомого.

– Здравствуйте!

– Привет! Как, и твоя очередь пришла? – спросил он.

– Что вы имеете в виду? Я недоумённо смотрел вокруг, на себя, и вдруг потела общаются с мозгом, обмениваясь информацией и получая команды. Волны в этой цепи постепенно будут затухать, и я медленно погружусь в вечный сон.